

НАШ ВЕНОК

РАССКАЗЫ

И СТИХИ

415
627

О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ

ЛЕНИНЕ

ИЗДАНИЕ Г.Ф.МИРИМАНОВА

1

9

2

7

415
~~627~~
БИБЛИОТЕКА ШКОЛЬНИКА

415
~~627~~
НАШ ВЕНОК

РАССКАЗЫ И СТИХИ
О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ ЛЕНИНЕ
ДЕТЯМ

Сборник под редакцией А. ЛАВРЕНТЬЕВА

51-1108

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО Г. Ф. МИРИМАНОВА
МОСКВА—1927

П р о щ а н ь е.

I.

Вечером по морозу бежали мальчишки-газетчики и кричали наперебой:

— Экстренный выпуск!

— Смерть товарища Ленина!

Мимо пустырей, заборов, равнодушных домов катился поток людей. Газетчиков рвали нарасхват и тут же где-нибудь под фонарем, под воротами, в под'езде прочитывали зыбкие строчки. Газетные листки еще пахли типографской краской и пачкались под пальцами.

— Умер?

— Умер!

Бежали дальше на углы, на перекрестки улиц, туда, где толпа чернела гуще.

Фабричный сторож Панкратов тоже покупает телеграмму. Бережно свертывает и прячет ее за пазуху. (Всего месяц, как выучился грамоте.) Старик Степаныч здоровается с ним.

— Беда, Панкратов!

— И не говори...

— Завтра работать, аль как?

— Должно бы.

II.

Утром на фабрике будто по-старому. Суетилась мастеровщина: точили, рубили, строгали, сваривали.

А валится все из рук.— Что ты хочешь, то и делай. Федька попросил Степаныча с болта изусенец слизнуть и гайку с контргайкой пригнать. Взял Степаныч болт, да и сорвал резьбу, хотел переточить—хуже помял.

Взялся Степаныч болванку подшипника точить, щечку переточил.

Никогда со Степанычем такого не было. Племянник Сережка идет; увидит — засмеет; сунул испорченный подшипник в ящик инструментальный, сам, будто по делу, железом загремел.

— Ты что ходишь?

— За тобой, дядя... Венок Ильичу надо.

— Что ж, для такого случая.....

И обедать не пошел Степаныч. Часа два повозился и такой венок сгрохал, двоим чуть поднять.

— Красить надо, к утру высохнет.

III.

На общем собрании об'явили:—Идем с Ильичом прощаться.

В город двинулись трехтысячной лавиной. И день и ночь двигалось множество фабрик.

Замоскворечье, Пресня, Сокольники, Рогожский—вся заводская Москва.

Не всякий видел вождя при жизни, но кто не знает его! И разве не всем он дорог!

Под траурными парусами знамен плывут очереди.

Комсомольцы.

Притихшие, задумавшиеся.

Красные солдаты. На какие подвиги не вдохновлял их образ вождя! Какие страны не топтаны красной конницей!

Пионеры.

Нахохлившиеся, как воробьи в ненастье. Морщатся озябшие лица.

А вот мужики-крестьяне с мешками за плечами, приехавшие проститься.

На дорогах качаются огромные костры. Они будто красят черные знамена, венки, лица. Огонь застилает Степанычу глаза едучей слезой.

Степаныч с комсомолом Яшей венки несут. В затылок горячо дышат три тысячи своих.

Шорох шагов бьется у дверей белого дома.
В дверях у всех ровно ветром сдунуло шапки. Широкие лестницы. Из глубины далеких комнат похоронный марш.

Тихо.

— Прощай!

С тихим рокотом выкатились опять на площадь.
Степаныч догнал племянника. Пошли рядом.

— Рука-то занемела... Ровно отвалиться хочет... Это венок.

— Что ж не сказал, перехватили бы.

— Ладно.. Чего там!.. Сережка, а ведь я в коммунисты надумал... Право... Всю ночь нонче не спал... И выдумал...

Баллада о Ленине и Ли-Чане.

В Пекине люди из разных стран.

В Пекине так много улиц.

По улицам долго бродил Ли-Чан,

Забитый китайский кули.

Потом—на полях. Надсмотрщик зол.

Что ни день—больно бьет Ли-Чана.

С тех пор, как Ли-Чан на поля пришел,

Не спина у него, а—рана.

На полях, где растет ароматный чай,

Раз повеяло теплым ветром.

Коренастый проезжий в полях невзначай

Потерял листок газеты.

И один из рабочих, избитый, больной,

Прочел про страну такую,

Где правят своею свободной страной

Не мандарины, а кули.

И там на смятом газетном листе,

Что лежал на дрожавших коленях,

Нарисован был старший свободных тех,

И имя стояло — Ленин.